

На правах рукописи

Тестов Дмитрий Фарукович

**ПОНЯТИЕ ПАТТЕРНА В АНТРОПОЛОГИИ ГРЕГОРИ БЕЙТСОНА.
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 09.00.13 – философская антропология,
философия культуры

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук

Москва 2020

Работа выполнена в секторе аналитической антропологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук

Научный руководитель:

Подорога Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора аналитической антропологии Института философии РАН

Официальные оппоненты:

Ивахненко Евгений Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Сивков Денис Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра философской антропологии

Защита состоится «14» апреля 2020 г. в 14:00 на заседании Диссертационного совета Д. 002.015.01 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Зал заседаний Учёного совета (ком. 313).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН (<https://iphras.ru/page28682330.htm>)

Автореферат разослан « ___ » _____ 2020 г.

Учёный секретарь

Диссертационного совета Д. 002.015.01
кандидат философских наук

Николаичев Б.О.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность исследования «паттернов» связана с тем, что обращение к понятиям подобного рода всегда продиктована необходимостью эпистемологической экономии. Всякий раз, когда «реальность» предстаёт в виде неисчислимого множества гетерогенных элементов, границы которых размыты, а состояния изменчивы, мы вынуждены переходить к созерцанию и анализу более крупных и устойчивых структур, относительная регулярность которых позволяет удерживать происходящее. То есть, мы обращаемся к целостным формам и предсказуемым преобразованиям, не имея возможности проследить за элементарным и внезапным. Это то, что позволяет нам экономить внимание, мышление и язык, а также предвосхищать события. В сущности, лишь посредством подобных приёмов мы можем создавать конечные описания чего бы то ни было.

Сегодня, в условиях сверхбыстрого времени и изобилия данных, связи между которыми не могут быть обнаружены с требуемой быстротой, мы вынуждены либо обращаться к подобным приёмам всё чаще, используя их более искусно, либо капитулировать перед «большими данными», делегируя работу с ними интеллектуальным системам. Последнее, по всей видимости, неизбежно, но это не означает, что перед лицом этой неизбежности мы не должны прилагать усилий ради сохранения преимуществ автономии человеческого разума.

Мы не можем мыслить в потоке множества обособленных элементов. Человеческий разум оперирует целостными структурами связей, и, чтобы выхватывать эти связи из потока данных, мы нуждаемся в соответствующих концептах.

Ещё в XX столетии исследования психоаналитиков, эксперименты гештальтпсихологов, построения структуралистов лишний раз продемонстрировали, что атомизм – неудовлетворительная стратегия для описания ментальных явлений, показав, что варьирование значений в психических, перцептивных и лингвистических

процессах связано не с изменением элементов, а с преобразованиями конфигурации отношений в некоторых целостных комплексах.

Тем не менее, всегда существует риск, что, обнаруживая закономерность в том или ином явлении, разум вычерчивает в нём некоторую конфигурацию, которая в действительности для этого явления случайна. Иными словами, выявляя в мире целостные структуры, мы, вероятно, приписываем ему предпосылки собственного разума. И изучение опыта работы Грегори Бейтсона с понятием паттерна может показать, среди прочего, и способы избегания подобных ловушек.

Мы обращаемся к наследию Г. Бейтсона как к наиболее искусной демонстрации применения понятия паттерна. Но, в то же время, и «паттерн» является наиболее подходящей проблемой для вхождения в круг бейтсоновских идей, т.к. наилучшим образом размыкает для анализа замкнутую на себя систему идиосинкразических понятий.

Почти любой исследователь фигуры Бейтсона в той или иной мере затрагивает тему паттерна, однако, достаточно специальных и основательных исследований о «паттерне» Бейтсона почти нет. По-видимому, в англоязычной традиции этот термин, в силу своего общеупотребительного статуса, не выглядит серьёзной теоретической проблемой. В отечественной литературе проблемность более очевидна, поскольку даже при переводе других американских антропологов (А. Крёбер, Р. Бенедикт, К. Гирц) для слова «*pattern*» пытаются, так или иначе, найти русский аналог, хотя ни один из вариантов, кажется, так и не устоялся.

Однако всё это не просто вопрос адекватного перевода. «Паттерн» – это понятие, связанное с определённым способом описания мира, который не может быть интегрирован в интеллектуальную традицию через перевод. Он должен прежде (или вместе с этим) стать предметом философского анализа, получив некоторое концептуальное осмысление. Тем временем, работы, посвящённые наследию Бейтсона в рамках русскоязычного дискурса, остаются довольно редким явлением. Имя Бейтсона, как справедливо замечает А. Пигалев, окутано какой-то аурой мистицизма, так что определённые философские, психологические и социологические исследования охотно обращаются к отдельным идеям и понятиям,

но не стремятся сделать сам теоретический аппарат Бейтсона объектом исследований. Тем более, что этот аппарат всегда выходит за пределы одной академической дисциплины и требует от своего исследователя того же. Это и для нашего исследования создавало серьёзные трудности, которые нам, возможно, не всегда удавалось успешно преодолевать.

Тем не менее, в последние годы появилось несколько работ русскоязычных авторов, посвящённых понятию паттерна. Хотя они, конечно, носят скорее обзорный и описательный характер, чем аналитический, но это лишний раз свидетельствует в пользу актуальности данного исследования.

Несмотря на эти немногочисленные работы, ни понятие паттерна, ни наследие Бейтсона в целом не получили должного внимания в русскоязычных исследованиях. Однако смежные во многом подходы к изучению культуры, на протяжении длительного времени развивались и отечественными учёными. Здесь, прежде всего, нужно упомянуть русскую формальную школу, которая, помимо прочего, в лице В. Проппа и Р. Якобсона оказала значительное влияние на развитие структурализма. На труды формалистов во многом опирались представители московско-тартуской школы семиотики (Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский, В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов и др.). Среди современных исследователей можно выделить В. А. Подорогу, чьи понятия антропограммы и мимесиса хоть и нацелены на уникальное и неповторимое, стремятся схватить ограничения, наложенные на случайные сочетания компонентов и приёмов литературного произведения, подобно паттернам, моделирующим литературные миры.

Степень разработанности темы исследования

Работы, специально посвящённые понятию паттерна у Бейтсона, довольно немногочисленны, и существующие пытаются скорее использовать бейтсоновскую теорию в качестве опорного пункта для дальнейших спекуляций, чем исследовать её. Так к теме визуальных паттернов обращается Мэриан Зелински. Отталкиваясь от бейтсоновского понятия паттерна (метпаттерна), она предлагает серию феноменологических рефлексий об орнаментах и ритмах как следах экспрессивных

воплощений культуры и индивидуальности. Тайлер Волк пытается конкретизировать то, что Бейтсон назвал метапаттерном, предлагая некоторый перечень универсальных моделей и принципов, таких, например, как границы, стрелки, сети, циклы и т.д. В совместной работе Тайлер Волк, Джеффри Блум и Джон Ричардс уже пытаются построить некий набросок науки о метапаттернах на фундаменте бейтсоновской теории.

Однако эти работы используют «паттерн» как готовый «упакованный» продукт, не стремясь проследить его генезис и проанализировать способы и условия его применения Бейтсоном. Поэтому подчас больше света на проблему проливают исследования, посвящённые другим аспектам бейтсоновского наследия, но затрагивающие по касательной и «паттерн». Междисциплинарный стиль мысли Бейтсона редко подталкивает исследователей к изучению его наследия как целого, поэтому и понятие паттерна часто оказывается на периферии. Специалисты в отдельных областях стараются разработать соответствующий аспект в трудах Бейтсона, и концентрируются, как правило, на более специальных понятиях, которые в то же время представляют собой не что иное, как специфические паттерны. Такое положение дел представляется нам не слишком плодотворным для осмысления бейтсоновского наследия, но поднимая вопрос о паттерне, мы, таким образом, можем извлечь некоторое преимущество из синтеза относительно независимых линий трактовки тезисов Бейтсона в различных сферах знания.

Работы, посвящённые социально-антропологическим исследованиям Бейтсона так или иначе затрагивают понятие паттернов культуры, обращаясь либо к проблемам национального характера, либо к методологии визуально-антропологических исследований Грегори Бейтсона и Маргарет Мид. Здесь в первую очередь можно назвать Дэвида Бэкэна, который обсуждает сравнительно-антропологические спекуляции Бейтсона о паттернах морального поведения и национального характера. Работы Гэвина Салливана, Иры Джекнис и Пола Хенли обращаются к полевым исследованиям Бейтсона и Мид на острове Бали, прослеживая, помимо прочего, условия создания документальных фильмов о ритуальных трансах в балийской культуре. Эти работы имеют скорее историко-научную направленность, чем

философско-антропологическую, тем не менее, на их основе мы попытались реконструировать условия и методологию визуальной репрезентации паттернов культуры. Также следует выделить статью Инги-Бритт Краус как своего рода пограничное между антропологией и психотерапией исследование. Краус анализирует практику задавания вопросов в работе этнографа и системного психотерапевта, используя фигуру Бейтсона как доказательство близости ситуаций двух дисциплин.

Психологическая и/или психиатрическая интерпретация бейтсоновских исследований получила более широкое распространение в сравнении с другими. Работы разных исследователей посвящены реконструкции бейтсоновского понятия психического заболевания (Теодор Скольник), проблеме соотношения психопатологии и социального контекста (Роберт Рибер, Маркус Грин), роли бейтсоновских идей в складывании системной семейной психотерапии (Александр Козин). Эмпирические примеры приложения бейтсоновских концепций в психотерапевтической практике можно обнаружить у Мары Сельвини-Палаццолли или Джея Хейли, попытавшегося объяснить терапевтические успехи Мильтона Эриксона, а примером исследования понятий в этой области бейтсоновского наследия можно считать работу Макса Виссера, реконструировавшего историю формулировки концепций вторичного обучения и двойного послания. Понятие паттерна в рамках этой линии применяется, прежде всего, к конфигурации взаимоотношений в семейных или других социальных системах. И, хотя это достаточно узкая трактовка «паттерна», это направление представляет для нашего исследования большой интерес в связи с вниманием к патологическим паттернам. Конечно, проблема патологических паттернов у Бейтсона выходит за пределы его психиатрических исследований, но она не часто получает осмысление в других контекстах.

Ряд работ посвящён интерпретации теории коммуникации Бейтсона в семиотической перспективе. Клаус Криппендорф, опираясь на Бейтсона, пытается предложить диалогическую концепцию смысла, задаваясь вопросом о том, как артефакты культуры и объекты природы вообще могут что-либо для кого-то значить.

Яр Ньюман анализирует порождение смысла в коммуникации между агентами, иллюстрируя свои выводы примерами взаимодействий между животными. Дебора Эйчер-Кэтт и Пол Райен сопоставляют подходы Бейтсона и Пирса. Кори Энтон разрабатывает бейтсоновскую теорию игрового сообщения, акцентируя разграничение аналоговой и цифровой коммуникации.

Биолого-экологическую линию интерпретации наследия Бейтсона можно отсчитывать от утверждения Джона Брокмана о том, что работы Бейтсона предназначались, прежде всего, биологам. Представителем этой линии можно назвать Джаспера Хоффмейера, рассматривающего работы Бейтсона по теории коммуникации в качестве теоретического фундамента биосемиотики. Широкому спектру проблем позднего Бейтсона посвящены работы П. Харриса-Джонса, в которых он анализирует эстетическую проблематику Бейтсона в экологической перспективе. Харрис-Джонс фокусируется на понятии рекурсивности, и, сопоставляя его с «аутопоэзисом» Варелы и Матураны, настаивает, что рекурсивность – один из ключевых паттернов в системе бейтсоновской мысли. Так же – в экологической перспективе – разрабатывает бейтсоновские темы эстетического и сакрального Ноэль Чарлтон. При этом он предлагает трактовать бейтсоновское «сакральное» в метафизическом ключе. Среди отечественных исследователей схожую позицию занимает Александр Пигалёв, настаивая на выявлении теологических предпосылок бейтсоновской мысли. Мы, однако, не разделяя этого подхода, приводим в третьей главе ряд возражений против подобной интерпретации. В целом это направление обращается, в основном, к поздним работам Бейтсона, где тот предпринимает глубокие философские обобщения результатов своих предшествующих исследований. И трактовка «паттерна» в рамках этого направления уже в меньшей степени вязана с конкретными методологическими приёмами, а в большей – с эпистемологией экоментальных систем, т.е. с формами мыслительных процессов, протекающих в экосистемах.

Среди наиболее общих работ, посвящённых Бейтсону и проливающих свет на генезис его идей можно назвать воспоминания его старшей дочери Мери Кэтрин

Бейтсон, которая выступила соавтором отца ещё при его жизни, а также интеллектуальную биографию Бейтсона за авторством Дэвида Липсета.

Релевантными можно также считать работы, посвящённые понятию избыточности из теории информации, которое Бейтсон считал синонимом «паттерна». Оно было предложено К. Шенноном в «Математической теории связи» и достаточно детально объяснено Б. Зальцбергом.

Русскоязычные работы по теме паттерна носят пока несколько обзорный и описательный характер, тем не менее, можно упомянуть статью Т. В. Зайделя, прослеживающую эволюцию термина и рассмотрение понятий паттерна и метапаттерна Д. В. Евзрезовым и Б. О. Майером.

Цель и задачи исследования

Основная цель данного диссертационного исследования – философско-антропологический анализ понятия паттерна и способов его применения в контексте исследований Грегори Бейтсона.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования решаются следующие теоретические задачи:

(1) Реконструкция генезиса понятия паттерна в контексте личной истории Бейтсона, истоков в предшествующих теоретических традициях, отношений с другими антропологическими концепциями середины XX века и связей с кибернетикой, теорией информации и криптографией.

(2) Анализ применения понятия паттерна в практике антропологического наблюдения. Реконструкция бейтсоновской стратегии антропологического наблюдения и анализа культурных артефактов.

(3) Анализ репрезентации паттернов культуры и экспликация криптоаналитических мотивов в визуально-антропологических исследованиях Г. Бейтсона и М. Мид.

(4) Анализ проблемы транспозиции персонажей в этнографических и клинических наблюдениях Бейтсона.

(5) Анализ понятия сакрального как эффекта, производимого определёнными паттернами коммуникации. Прояснение условий патологического состояния сакрального. Разработка понятия паттернов патологии.

Методология исследования

Методологическая основа исследования является комплексной. В диссертации используются историко-философский, компаративистский и реконструктивный подходы, а также компоненты герменевтического и структурно-аналитического методов. Однако самого по себе этого недостаточно, чтобы преодолеть сопротивление когерентной системы бейтсоновских понятий. Аналитическая антропология, предложенная В. А. Подорогой, к которой отчасти принадлежит представленное исследование, подразумевает «вариативность методологических условий анализа» и опирается на определённый понятийный ряд. В рамках допустимых вариаций мы берём из этого ряда понятие *наблюдателя/наблюдения*, чтобы положить его в основу анализа и предложить несколько производных понятий в качестве условий анализа.

Использование понятия наблюдения и фигуры наблюдателя собственно и является тем, что позволяет рассматривать антропологию литературы Подороги в качестве разновидности полевой антропологии. Обращаясь к этнографическим методикам Бурдьё, Беньямина, Барта и Бодрийара, Подорога выделяет модусы включённого и исключаящего наблюдения, причём, именно второй – исключаящий модус – позволяет обнаружить тотализирующие образы, структурирующие внутрипроизведенческие миметические связи. Эти образы функционируют в литературных мирах способом, схожим с тем, которым функционируют паттерны туземных культур в их описании антропологами. В обоих случаях тотализирующая функция образа/паттерна позволяет наблюдателю строить догадки о наблюдаемом положении вещей, оказываясь значительно чаще правым, чем нет.

Обнаруживая тотализирующий образ в произведениях Гоголя или Достоевского, Подорога накладывает ограничения на необозримое число образов и порядков слов, которые могут явить себя в произведении. Т.е., произведение становится более

предсказуемым, или *избыточным*. К примеру, обнаружение у Гоголя ритмического паттерна $7(+/-2)$, структурирующего перечисления, ограничивает вероятность, с которой читатель может встретить перечисление иного числа объектов и т.п. Понятие тотализирующего образа, стало быть, подсказывает метафору игры на тотализаторе: если мы приостановим чтение и захотим сделать ставку на какой-то способ организации элементов, который далее встретится нам в произведении Гоголя, то тотализирующий образ критически увеличит долю выигрышных ставок. Например, всякая совокупность, превышающая упомянутый ритмический паттерн у Гоголя, будет скорее структурирована посредством образа «кучи», чем чего бы то ни было ещё.

Тотализирующий образ также удерживает произведение в целостности, в том смысле, что он усиливает внутрипроизведенческие миметические связи по отношению к межпроизведенческим. Т.е., хотя отдельные элементы произведений одного автора вполне могут проникать в произведения другого, тотализирующий образ ограничивает возможность более крупных проникновений, которые бы уже могли считаться подражанием. На языке культурной антропологии это называется ограничением диффузии, и это именно то, что «делает» паттерн культуры.

Антропологическое наблюдение, в конечном счёте, всегда стремится увидеть именно такое тотализирующее явление (будь то тотальный социальный факт, структура или паттерн), которое позволило бы ограничить необозримое число возможных комбинаций культурных признаков и возможных исходов наблюдаемых ситуаций, необходимых, чтобы понять другую культуру.

Используя изложенные теоретические положения как фундамент, мы, тем не менее, должны учитывать специфику нашей ситуации. Корпус работ Бейтсона не должен рассматриваться лишь как текст, как особый род литературы, где «паттерн» играет роль компонента внутрипроизведенческого мимесиса. Важна именно интенциональная направленность этих текстов на какую-то внешнюю действительность, а внешняя действительность в свою очередь должна ограничивать спектр возможных трактовок текстов. В центре нашего внимания, стало быть, должно оказаться само наблюдение, концептуализирующее посредством термина «паттерн»

определённые отношения, усматриваемые как *воплощённые* в событиях и вещах. А доступ к этому наблюдению уже, в свою очередь, может быть получен посредством анализа текстов и визуальных документов.

Мы выделяем в текстах и визуальных документах Бейтсона те приёмы, которые отличают его трактовку «паттерна» от трактовки других антропологов, и задаём их в качестве своего рода тотализирующих схем, на которые можно опереться при анализе роли «паттерна» в антропологическом наблюдении. К этим приёмам мы относим прежде всего то, что Бейтсон называет принципом «двойного описания», образ разделительной черты и заявленную им синонимию между «паттерном» и понятием избыточности из теории информации. Каждый из этих приёмов мы изучаем в контексте определённого сюжета, хотя имеют место и взаимные перекрывания. К этим сюжетам относятся: реконструкция стратегии антропологического наблюдения, криптоаналитические мотивы в визуально-антропологических исследованиях Бейтсона и Мид и реконструкция бейтсоновской теории сакрального. В методологическом отношении мы надеемся, что такой подход позволит изучить понятие паттерна как бы с трёх ракурсов, объяснив в то же время, какую роль играют упомянутые приёмы в качестве компонентов метода.

Научная новизна результатов исследования

Новизна в отношении редких работ, посвящённых понятию паттерна, заключается, прежде всего, в несколько иной постановке вопроса и, как следствие, в другого рода ответах. Нас интересует не столько строгое определение или примеры каких-то конкретных паттернов, которые якобы подразумевает Бейтсон. Тем более, что, как сам Бейтсон избегал «указывать на это пальцем», так и попытки, например, Тайлера Волка или Фритьофа Капры называть некоторые «имена существительные» выглядят неудовлетворительными и разочаровывающими. Наш вопрос касается скорее того, как понятие паттерна *работает* во взаимоотношениях бейтсоновских теоретических конструкций и эмпирического материала. Поэтому представленный анализ сфокусирован прежде всего на периферийной для других исследований теме наблюдения. Такой фокус позволяет установить место «паттерна» в стратегии

антропологического наблюдения, предварительно реконструировав эту стратегию; установить двойственный характер фигуры ведьмы/матери шизофреника и инверсивного отношения ритуального сюжета и клинической иллюстрации в антропологии и психиатрии Бейтсона; обнаружить, что, устанавливая синонимию между «паттерном» и «избыточностью», Бейтсон «протаскивает» сначала в антропологию, а затем и дальше не только кибернетические модели, но и, стоящие за ними криптоаналитические приёмы, связанные с историей применения «избыточности» в дешифровке секретных сообщений, – и в результате применения этой более строгой (в сравнении с Крёбером, Бенедикт и Гирцом) версии паттерна к анализу культуры сам материал преобразуется в нечто вроде криптографической головоломки. Попытка реконструкции бейтсоновской теории сакрального не нова сама по себе, но, очерченная здесь траектория интерпретации, предлагает свежий взгляд на загадочную тему взаимоотношения сакрального и патологии в размышлениях Бейтсона.

Положения, выносимые на защиту

(1) Понятие паттерна имеет истоки в различных сферах знания, с которыми Бейтсон так или иначе соприкасался, однако, прежде всего, обращение к этому понятию обусловлено тем, что оно отвечает междисциплинарному подходу, предпосылки к становлению которого прослеживаются в личной истории Бейтсона. Тем не менее, его антропологический проект вполне вписывается в контекст общего концептуального (морфологического) поворота в антропологии середины XX столетия. И проведённый анализ позволяет выявить некоторый перечень исходных предпосылок, фундирующих построение морфологических моделей культуры. Прояснение отношений «паттерна» с кибернетикой и теорией информации выражается в анализе понятия избыточности, которое Бейтсон считал по крайней мере частичным синонимом «паттерна» и «смысла». Анализ позволяет установить роль «паттерна» в изучении коммуникативных процессов и нащупать имплицитные связи бейтсоновской методологии с криптоанализом.

(2) Неоднократные упоминания Бейтсоном приёма «двойного описания» на разных примерах могут быть использованы как подсказки для реконструкции его стратегии антропологического наблюдения. Реконструкция демонстрирует, что понятие паттерна функционирует в антропологическом наблюдении в качестве одного из компонентов стратегии наряду с бихевиористским наблюдением. Оба компонента выполняют взаимокорректирующие функции: бихевиористское наблюдение отвечает за объективную регистрацию поведенческой последовательности, а связующий (наблюдателя и *другого*) паттерн предстаёт условием эмпатического доступа наблюдателя к антропологическому *другому* (представителю другой культуры).

(3) При изучении визуально-антропологических документов Г. Бейтсона и М. Мид можно проследить криптоаналитические мотивы в их способах документирования балийской культуры. Наш анализ стремится показать, что, отождествляя «паттерн» с инженерным понятием избыточности, Бейтсон опосредовано устанавливает связь между поиском паттернов и методологией криптоанализа, где избыточность успешно применялась. Это, в свою очередь, преобразует различные культурные последовательности в глазах наблюдателя в нечто вроде шифра, а анализ культуры – в практику дешифровки.

(4) Сопоставление визуально-антропологических документов Г. Бейтсона и М. Мид с более поздними психиатрическими исследованиями Бейтсона позволяет сделать вывод, что фигура ведьмы из балийских ритуальных практик и мать шизофреника из клинических иллюстраций действия *double bind* являются одним и тем же концептуальным персонажем, а описание клинической ситуации во многих отношениях выглядит как инверсия ритуально разыгрываемой ситуации в балийской мистерии. Это, разумеется, ставит под сомнение эмпирические основания теории *double bind* и требует переосмысления связи между бейтсоновской антропологией и психиатрией.

(5) Реконструкция теории сакрального Бейтсона демонстрирует, что, вопреки существующим трактовкам, мотив единства (*sacred unity*) не является ключевым для прояснения бейтсоновского понимания сакрального, поскольку, исходя из этого

мотива, не может быть объяснена возможность патологии сакрального, о которой Бейтсон неоднократно говорит. Вследствие чего на защиту выносятся тезис о том, что эффект сакрального порождается паттерном коммуникации, подразумевающим ограничение (или запрет) обратной связи с определённым сегментом системы (или системой как целым). Установление же обратной связи там, где её не должно быть, может изменять природу сакральных идей и процессов, приводя, таким образом, к патологии сакрального.

(6) Итоговый (соответствующий цели исследования) тезис состоит в том, что специфичность бейтсоновского «паттерна» заключается в достаточно строгом и разработанном способе применения, который и позволяет говорить нам об этом понятии как о фундаменте метода. На протяжении всей работы было выделено и проанализировано три приёма, которые можно обозначить как «криптографические» преобразования, образ разделительной черты и принцип двойного наблюдения. Предполагается, что эти приёмы можно назвать ядром бейтсоновского метода – минимально необходимым набором, обеспечивающим строгость применения понятия паттерна.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты проведённой работы могут стать основой для дальнейших исследований в философской и культурной антропологии, социологии, психологии, культурологии, и послужить материалом для университетских курсов в рамках этих дисциплин.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования отражены в семи статьях, пять из которых опубликованы в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК. Промежуточные результаты работы над диссертацией и сама диссертация были представлены и обсуждены на заседаниях сектора аналитической антропологии Института

философии РАН. В результате последнего обсуждения 17 октября 2019 года диссертация была рекомендована к защите.

Структура работы

Структура работы обусловлена поставленными задачами и состоит из введения, трёх глав, разбитых на параграфы, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, формулируются общая цель и конкретные задачи работы, раскрываются методологическая основа исследования, его новизна и научная ценность, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе **«Истоки понятия паттерна»** исследуется контекст возникновения бейтсоновского понятия паттерна в его связи с личной историей Бейтсона и истоками в различных сферах знания (ботаника, сравнительная анатомия, гештальтпсихология, социальная антропология, теория информации и кибернетика).

В параграфе **1.1. «Краткая интеллектуальная биография Грегори Бейтсона»** описываются основные этапы жизни и мысли Бейтсона. Прослеживаются предпосылки становления его междисциплинарного подхода в семейной истории (влиянии фигур отца и брата), образовании по двум различным профилям (биология и антропология), увлечении кибернетикой и образе жизни полном экспедиций и переездов.

В параграфе **1.2. «Формирования понятия паттерна в антропологических исследованиях XX в.»** прослеживаются истоки бейтсоновского понятия паттерна в морфологии культуры О. Шпенглера, гештальтпсихологии, концепции паттернов

культуры Рут Бенедикт, дискуссиях с Маргарет Мид и Рео Форчуном на Новой Гвинее, морфологии Гёте и д'Арси Томпсона.

В параграфе **1.3. «От функции к форме: Бенедикт, Бейтсон и Леви-Стросс против Малиновского»** бейтсоновская позиция была очерчена в ряду других антропологических проектов его времени в контексте анализа критических аналогий, обращённых антропологами, сделавшими ставку на морфологические концепции культуры (Р. Бенедикт, Г. Бейтсон, К. Леви-Стросс), против функционализма. Анализ раскрывает перечень из пяти черт, вписанных в каждую рассмотренную критическую аналогию: (1) ограниченность средств или признаков; (2) «понимание элементов целого как операторов, которые, тем не менее, могут быть использованы для операции какого-то одного типа»; (3) включённость циклических коммуникативных цепей; (4) неопределённость или полуспециализированность средств, оставляющая возможность их переопределения; (5) детерминация функции элемента его структурным расположением. Эти пять пунктов позволяют увидеть теоретическое единство морфологических концепций культуры за рамками разнообразия подходов и вписать концепцию Бейтсона в контекст более общего «морфологического поворота».

В параграфе **1.4. «Форма и преобразование»** в рамках концептуального сдвига, который мы обозначили как «морфологический поворот», проводится более глубокое сопоставление проектов Бейтсона и Леви-Стросса. Устанавливается преемственность между концепцией метаморфоза Гёте и операциями преобразования в методологических приёмах леви-строссовского структурного анализа и бейтсоновской абдукции паттернов. Вводится разграничение конкретного непрерывного преобразования у Леви-Стросса и абстрактного прерывного у Бейтсона.

В параграфе **1.5. «Понятие избыточности»**, переходя от научного контекста непосредственно к понятию паттерна, исследование концентрируется на провозглашённой Бейтсоном синонимии между «паттерном», «избыточностью» и «смыслом». Прослеживаются история феномена избыточности и способы его применения в криптоанализе, теории информации и кибернетике. Тезис Бейтсона

уточняется – «смыслом» можно называть лишь один из видов избыточности достаточно высокого логического типа.

В параграфе **1.6. «Паттерн как экономия и избыточность»** в завершение главы, в качестве предварительного определения предпринимается попытка сформулировать список критериев, посредством которых «паттерн» может быть идентифицирован, чтобы дальнейшие уточнения сделать уже на основании анализа применения паттерна в антропологическом наблюдении. Список включает: (1) избыточность информации, (2) экономию описания (или языка), (3) регулярность, (4) эстетическую значимость.

Вторая глава **«Применение концепции паттерна в антропологическом наблюдении»** состоит из двух частей:

Первая часть второй главы **2.1. «Черта и дистанция: стратегии антропологического наблюдения»** посвящена реконструкции стратегии наблюдения Бейтсона и прояснению роли понятия паттерна в её структуре.

В параграфе **2.1.1. «Антропологическое наблюдение: от рекомендаций к стратегиям»** даётся краткий и общий исторический обзор эволюции практики антропологического наблюдения: от первых попыток контроля сбора данных с помощью вопросников Э. Тайлора, а также союзов этнографов-очевидцев с теоретиками (Файсон, Хауитт, Морган или Спенсер, Гиллен и Фрэзер) до рекомендаций У. Риверса, правил функционалистов (А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский) и рефлексивных стратегий антропологов второй половины XX в.

В параграфе **2.1.2. «Исследование, описание, объяснение»** изучаются эпистемологические проблемы и условия антропологического наблюдения как доступа к чужой культуре. Рассматривается бейтсоновская интерпретация понятий «описание» и «объяснение» и их роль в научном исследовании. Проблематизируется отношение языка объяснения к языку описания в антропологии. Предлагается мыслить паттерн как то, что имплицитно вписано в язык описания и подлежит экспликации в языке объяснения. Опираясь на тезис Бейтсона, согласно которому естественнонаучное исследование отталкивается от двух начал (наблюдений и фундаментальных понятий), которые словно берут объект в клещи, обсуждается

вопрос о том, как эти клещи должны быть модифицированы для захвата антропологического объекта, и о том, что может играть роль фундаментального понятия в антропологическом объяснении.

В параграфе **2.1.3. «Фундаментальное понятие: концепция разума у Бейтсона и Леви-Стросса»** утверждается, что фундаментальным понятием в антропологическом объяснении для Бейтсона является «разум». Здесь исследование вновь обращается к сопоставлению Бейтсона и Леви-Стросса, поскольку оба использует понятие разума в качестве объяснительного принципа, но делают это различным образом. Леви-Стросс полагает, что туземная культура может быть объяснена только в случае признания в антропологическом *другом* равноправного разума, однако, разум этот проявляет себя лишь на дистанции, на которой исчезает всё случайное и эпизодическое. Для Бейтсона не только *другой* представляет собой равноправный разум, но и сами отношения наблюдателя и *другого* составляют разум более высокого логического типа, и в рамках этого разума образ дистанции оказывается нерелевантным. Бейтсон прибегает к образу разделительной черты или границы, которая символизирует ограничения, наложенные на коммуникацию между наблюдателем и *другим* как элементами единой ментальной системы. Эти ограничения, выступая препятствием на пути воли наблюдателя к знанию, вынуждают его прибегать к стратегии наблюдения.

В параграфе **2.1.4. «Проблема определения единицы поведения»** рассматривается вопрос о структурировании поведенческой последовательности. Обсуждается бейтсоновская критика бихевиористского подхода, связанная с неспособностью бихевиоризма идентифицировать класс поведенческого акта, не вводя категорию контекста. Однако, если класс, а, следовательно, и смысл поведенческого акта определяется контекстом, то у бихевиоризма нет никакой возможности проникнуть в смысл поведенческой последовательности. Таким образом, проблема экспликации контекста в антропологическом наблюдении выходит на передний план и должна быть учтена в реконструкции бейтсоновской стратегии наблюдения.

Параграф **2.1.5. «Бихевиоризм и эмпатия»** посвящён реконструкции бейтсоновской стратегии антропологического наблюдения, которая предстаёт как модификация рассмотренного ранее естественнонаучного «манёвра взятия объекта изучения в клещи» из наблюдений и фундаментальных понятий (двойного описания). Реконструкция показывает, что стратегия представляет собой комбинацию двух типов взглядов, компенсирующих недостатки друг друга. Один взгляд представляет собой бихевиористский подход, нацеленный на объективное описание наблюдаемого поведения с выделением устойчивых последовательностей из стимула, реакции и подкрепления. Другой взгляд связан с эмпатией и основывается на том, что те, кого мы наблюдаем, несмотря на все отличия, разделяют с нами множество фундаментальных предпосылок. И этот совместно разделяемый «связующий паттерн» делает внутренний опыт потенциальным источником знаний о *другом*, наряду с внешним наблюдением. Таким образом, бейтсоновскую стратегию можно обозначить как *двойное наблюдение*, где связующий паттерн играет роль корректирующего механизма в отношении наблюдаемых данных.

Параграф **2.1.6. «Разделительная черта и концепция паттерна»** посвящён детальному анализу образа разделительной черты, и его функции как в формулировках понятия паттерна, так и в методологии Бейтсона в целом.

Параграф **2.1.7. «Батуанская живопись и теория логических типов»** посвящён анализу артефакта культуры как частному случаю антропологического наблюдения. Рассмотрение бейтсоновского метода анализа батуанской картины как во многом аналогичного его стратегии наблюдения позволяет в значительной степени уточнить последнюю. Предполагается, что выбор картины батуанского стиля связан с особой функцией очертаний, характерной для этого стиля. Поскольку традиционный для батуанского стиля лиственный фон предлагает вместо контраста фигуры и фона скорее контраст светлого контура как с тёмным фоном, так и с тёмной сердцевиной фигуры, то именно на очертания ложится функция поддержания порядка и избыточности композиции. Очертания представляют собой те линии, те разделительные черты, которые накладывают ограничения на взаимодействие элементов системы различного логического типа, не давая им смешаться.

Аналогичным образом в наблюдаемой культуре Бейтсона – согласно нашей реконструкции – заботит именно проведение очертаний: между различными фактами и событиями культуры, а также между культурой и её интерпретацией. И всё же он полагает, что, схватив паттерн культуры, можно некоторым образом совпасть в проведении разделительных линий с тем, как носитель туземной культуры разграничивает факты и события, в которые он вовлечён.

Вторая часть второй главы **2.2 «Фигуры транса и шизофрении. Проблемы репрезентации паттернов культуры и/или психопатологии в визуальной антропологии Г. Бейтсона и М. Мид»** посвящена анализу документального фильма Бейтсона и Мид о балийской мистрии и её связи с более поздними психиатрическими исследованиями Бейтсона.

В параграфе **2.2.1. «“Транс и танец на Бали”»** излагается сценарий документального фильма, приводятся факты, связанные с его созданием.

В параграфе **2.2.2. «“Язык до слов”»** предпринимается анализ самого стиля танца и характера движений актёров. Отмечается, что в балийском танце иконический аспект движения уходит на второй план, а на первом оказываются конвенциональные отношения знака и референта, характерные скорее для вербального языка, чем танца в западном понимании. Опираясь на бейтсоновское разграничение аналоговой и цифровой коммуникации, выдвигается тезис о том, что балийский танец предлагает цифровую (или дискретную) коммуникацию по поводу эмоций и отношений, в отличие от привычной нам аналоговой. Этот тезис, в свою очередь, позволяет увидеть, что характер интенсивности эмоциональных проявлений, запертой между дискретными знаками танца, может быть описан посредством понятия «плато», предложенного Бейтсоном для описания других поведенческих последовательностей на Бали.

Анализ танца как многоуровневого комплекса сообщений позволяет увидеть, что различные последовательности (сюжетная, музыкальная, хореографическая и т.д.) являются не только избыточными сами по себе, но создают регион взаимной (синхронной) избыточности, наслаиваясь друг на друга таким образом, что каждая последовательность выступает подсказкой для попытки разгадать смысл другой.

Подобная интерпретация подсказывает аналогию с дешифровкой древнеегипетской иероглифической письменности посредством Розеттского камня и с практикой криптоанализа в целом. Это в свою очередь позволяет показать, что Бейтсон пользуется понятием паттерна/избыточности при анализе культуры практически так же, как «избыточность» используется в криптоанализе.

В параграфе **2.2.3. «Анаморфоз и визуальный криптоанализ»** криптоаналитическая аналогия распространяется и на фотографический анализ Бейтсона и Мид, представленный в работе «Балийский характер». Обращаясь к аналогии анаморфоза, анализ стремится показать, что плакаты, собранные Бейтсоном из фотографий, извлекают лейтмотивы и паттерны балийской культуры, подобно тому, как образ, скрытый, посредством анаморфного искажения, извлекается зеркальным цилиндром, установленным в нужное место.

В параграфе **2.2.4. «Рангда и Баронг»** анализ переходит на макроуровень – уровень сюжета. Здесь в центре внимания оказывается противостояние двух главных персонажей мистерии: ведьмы Рангды и дракона Баронга. Сопоставляются сведения, приведённые Бейтсоном и Клиффордом Гирцем. Подчёркивается, что линия интерпретации конфликта между Рангдой и Баронгом, как конфликтом между ужасающим и комичным, предложенная Гирцем, вполне соответствует бейтсоновской трактовке балийского «этоса» в целом, включающего компоненты неопределённой угрозы и ритуально-игровой эстетики.

Параграф **2.2.5. «Транс и безумие. Параллакс ведьмы»** посвящён более пристальному изучению фигуры ведьмы, но уже выходя за рамки балийской этнографии и захватывая ещё и сферу бейтсоновской психиатрии. Обращение к клиническим исследованиям Бейтсона в Пало-Альто, которые он проводил более десяти лет спустя после балийской экспедиции, обнаруживает связь между фигурой ведьмы из документального фильма и фигурой матери шизофреника из клинических иллюстраций к бейтсоновской теории шизофрении. Анализ демонстрирует, что одна из ключевых иллюстраций действия *double bind*, в которой центральным персонажем выступает мать пациента, страдающего шизофренией, представляет собой инверсию ритуальной ситуации с Рангдой в главной роли. Предполагается, что две фигуры, в

действительности, представляют собой одного концептуального персонажа, связывающего бейтсоновскую антропологию и психиатрию. Предлагается оптическая аналогия параллакса для описания специфического сдвига исследовательской позиции, при котором сменяется область исследований, но сохраняется концептуальный персонаж.

В параграфе **2.2.6. «Контрпарадоксы гебефрени»** фигура Баронга также получает психиатрическое истолкование. Шутовство и дурачество Баронга трактуется как стратегия избегания колдовских парадоксальных приёмов ведьмы. Таким образом, Баронг воплощает контрпарадоксальные паттерны гебефренического поведения, позволяющие ускользать из клещей *double bind*. Отмечается, что для фигуры Баронга нет столь же точного соответствия в бейтсоновской психиатрии, как для Рангды, однако, эпидемиологический дискурс подразумевает фигуры отсутствующего отца и уклоняющегося ребёнка, которые вполне могут обращаться к этой роли.

Таким образом, эта странная ситуация с бейтсоновскими концептуальными персонажами – в первую очередь, с параллаксом ведьмы – хотя и акцентирует новые связи между антропологией и психиатрией Бейтсона, в то же время оставляет открытым вопрос о том, как следует в свете этих связей переосмыслить статус психиатрических исследований Бейтсона и его коллег, поскольку автономность этих исследований от бейтсоновской антропологии и контекста балийской культуры оказывается под вопросом.

Третья глава **«Понятие сакрального и паттерны патологии»** посвящена реконструкции теории сакрального Г. Бейтсона, и прояснению природы патологических паттернов.

В параграфе **3.1. «Пространственные модели соотношения сакрального и профанного в антропологии»** приводится обзор основных антропологических подходов к моделированию как диспозиции «сакрального» и «профанного», так и двойственной природы самого «сакрального». Отмечается специфика бейтсоновского (системного, коммуникативного) подхода к интерпретации

«сакрального». Акцентируется роль разделительной черты, структурирующей диспозицию во всех моделях.

В параграфе **3.2. «Разделительная черта и категория таинства»** рассматривается ряд примеров, приводимых Бейтсоном по различным поводам, где адаптивная гибкость системы связана с определённым типом отказа от коммуникации между её компонентами. И эти примеры трактуются как намёки или подсказки Бейтсона к тому, как следует рассматривать сакральное в системном ключе. Утверждается, что категория таинства в культурных системах, как и аллегории, символы и метафоры, в которых развёртываются сакральные речи и практики в целом, представляет собой тот же вид ограничения коммуникации, который служит сохранению системы фундаментальных идей неизменными, поскольку «коммуникация – как отмечает Бейтсон, – может изменить природу идей».

Отмечается, что в строгом смысле быть сакральным – это не свойство, а отношение, точнее, специфический паттерн отношений, связанный с привилегированной функцией детерминации и ограничением коммуникации (запретом на обратную связь).

Параграф **3.3. «Патология сакрального»** посвящен анализу серии довольно тёмных фрагментов текстов Бейтсона о возможности патологического состояния сакрального. Патология сакрального трактуется как результат нарушения некоторых разделительных линий, ограничивающих коммуникацию и, как следствие, изменение природы сакральных идей.

Отмечается, что, моделируя безумие (машины или шизофреника), Бейтсон всякий раз делает это через дефект в иерархии логических типов. Этот принцип распространяется и на идею экологического безумия – безумия имманентного Бога – объединяя общим паттерном психологические, культурные и экологические патологии. Однако специфика экологической патологии в том, что здесь нарушается логическая разделительная черта между элементом и целым, и целое искажается действиями одного элемента (человека), который не может постичь природу и последствия производимых им изменений, поскольку принадлежит целому как часть. С целью прояснения специфики экологических патологий предпринимается анализ

бейтсоновской интерпретации сюжета «Орестей» Эсхила и приёмов из практики системного семейного психотерапевта – М. Сельвини Палаццоли. Сопоставление клинического и «трагического» сюжетов позволяет теоретически реконструировать принципы исправления патологий, имплицитно вписанные в бейтсоновские модели.

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования. Формулируется вывод о том, что специфичность бейтсоновского «паттерна» заключается в достаточно строгом и разработанном способе применения, который и позволяет говорить об этом понятии как о фундаменте метода. На протяжении всей работы были выделены и проанализированы три приёма, которые отличают использование «паттерна» Бейтсоном от других антропологов. Проанализировав синонимию между «паттерном» и «избыточностью», мы показали, что бейтсоновский метод предполагает рассмотрение всякой проблемы как серии «криптографических» преобразований, где всякий ряд объектов или последовательность событий рассматривается как результат преобразования ряда элементов или процессов другого логического типа и т.д. Паттерн при этом – это постоянная конфигурация/пропорция отношений, которая не преобразуется вместе с элементами. Образ разделительной черты (рассмотренный на множестве примеров) служит методическим приёмом разделения между результатами преобразований различного логического типа. Черта, по сути, и является границей между логическими тапами. И исследование представляет собой «угадывание» через эту черту в одну или обе стороны – восстановление неизвестных элементов, на основании известных и паттерна, связывающего ряды/последовательности, разделённые чертой. Это требование опираться и на связующий паттерн, и на известные (наблюдаемые) элементы было обозначено как принцип двойного наблюдения, проанализированный в реконструкции стратегии антропологического наблюдения Бейтсона. По сути, это принцип взаимной корректировки, который требует от исследователя сверять умозрительные паттерны (даже если они представляются логически необходимыми) с объективно наблюдаемыми эмпирическими данными. Предполагается, что эти три приёма можно считать ядром бейтсоновского метода – минимально необходимым набором, обеспечивающим строгость применения понятия паттерна.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

В научных журналах и изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК, а также в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science, Scopus), опубликованы следующие статьи:

1. *Тестов Д.Ф.* Фигуры транс, игры и безумия в антропологии Грегори Бейтсона // Психология и психотехника. 2015. № 9. С. 879–890. DOI: 107256/2070-8955.2015.9.15888.

2. *Тестов Д.Ф.* Структурализм и экология разума: сравнительный анализ антропологических проектов К. Леви-Стросса и Г. Бейтсона // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 97–113. DOI: 1021146/2072-0726-2016-9-2-97-113.

3. *Тестов Д.Ф.* Понятие паттерна (pattern) и коммуникативные основания антропологии Г. Бейтсона // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 158–177.

4. *Тестов Д.Ф.* Понятие сакрального у Бейтсона // Философская мысль. 2017. № 6. С. 111–127. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.6.19757. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_19757.html.

5. *Тестов Д.Ф.* Трансформация коммуникативных паттернов в условиях сетевых медиа: психопатология и дискретность // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 2. С. 48–66.

В других изданиях опубликованы следующие статьи по теме исследования:

1. *Тестов Д.Ф.* Черта и дистанция: стратегии антропологического наблюдения // Посредник. Массмедиа, общество, культура / Научн. ред. В.А. Подорога., отв. ред. А.А. Парамонов, – М.: Р.Валент, 2016. С. 99–135.

2. *Тестов Д.Ф.* Deep Dream: из вещества того же, что и сны // Синий диван. Философско-теоретический журнал. 2019. № 23. С. 138–151.